

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 17**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 17 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 288 с.

ISBN 978-5-458-04667-1

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04667-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

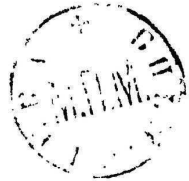
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Эрнестъ Ренанъ.



Одному изъ наиболѣе талантливыхъ и ученыхъ мыслителей современной Франціи, Эрнесту Ренану, не особенно посчастливилось въ русской литературѣ. Какъ ученый семитологъ, онъ конечно мало извѣстенъ.. Его первыя публицистическія работы почему-то не обратили на себя вниманія русской журналистики и прошли для насъ совершенно безслѣдно, а послѣдующія вызвали у насъ нападки за нѣкоторый консерватизмъ взглядовъ, обнаруженный знаменитымъ ученымъ, въ особенности послѣ франко-прусской войны. Другая сторона его литературной дѣятельности,—можетъ быть, самая богатая по содержанію и наиболѣе цѣнная,—это его труды по исторіи происхожденія религій. Въ 1863 году Ренанъ задумалъ написать «Исторію происхожденія христіанства», на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, пользуясь всѣми критическими работами нѣмецкихъ ученыхъ. Предпріятіе представляло значительныя затрудненія и, неизбѣжно, должно было вызвать страстную полемику. Тѣмъ не менѣе Ренанъ не отступилъ ни передъ этими трудностями, ни передъ возможною придирчивою полемикой и уже въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ выпустилъ въ свѣтъ первый томъ своего труда, заключавшій въ себѣ рассказъ о земной жизни Іисуса Христа. Книга вызвала небывалый въ европейской литературѣ шумъ, который эхомъ,—хотя и ослабленнымъ,—отразился и въ русскомъ обществѣ. Оказалось, что Ренанъ своимъ рассказомъ

о земной жизни Христа никого не удовлетворилъ,—ни вѣрующихъ ни невѣрующихъ, ни католиковъ ни протестантовъ, ни позитивистовъ ни атеистовъ, ни свободныхъ мыслителей ни деистовъ. Всѣ оказались недовольны по весьма различнымъ причинамъ. Въ сущности, однако, всѣ эти причины недовольства заключались въ томъ, что авторъ взялъ слишкомъ среднюю ноту и, вмѣсто рѣзкаго религіознаго или научнаго направленія, выбралъ рѣшеніе неудовлетворяющее ни людей религіознаго строя мыслей, ни людей отрицательно относящихся къ религіи. Первый томъ Ренана не проникъ въ Россію, но споры и толки о его книгѣ, или, вѣрнѣе, отголоски продолжались и у насъ. Полемическая литература противъ книги Ренана образовала на Западѣ цѣлую библіотеку,—въ Россіи точно также выходили не только брошюры, но даже цѣлыя сочиненія съ цѣлью доказать, что Ренанъ—пустой диллетантъ. Но странное впечатлѣніе производила эта полемическая литература въ Россіи: въ то время, какъ о самой книгѣ многіе не имѣли никакого опредѣленнаго понятія,—всѣмъ и каждому приходилось читать нападки на нее, иногда страстно ожесточенныя... Теперь, когда вражда улеглась, когда и самый виновникъ ея сошелъ въ могилу, позволительно возвратиться къ нему и попробовать оцѣнить безпристрастно его литературную и ученую дѣятельность.

I.

Ученая и литературная карьера Ренана была преисполнена самыхъ разнообразныхъ и странныхъ перипетій. Родители готовили его къ духовному званію (онъ родился въ Трегье, въ Бретани, въ 1823 году). Окончивъ collège, онъ дѣйствительно поступилъ въ семинарію Святого Сульпиція въ Парижѣ. Архіепископъ Дюпанлу (тогда еще аббатъ) весьма цѣнилъ его. Тамъ онъ пристрастился къ изученію восточныхъ языковъ, къ древне-еврейскому, арабскому, сирійскому, арамейскому. Онъ былъ вѣрующій и никакія сомнѣнія не тревожили его совѣсти. Но съ теченіемъ вре-

мени онъ сталъ сомнѣваться. Съ этими сомнѣніями онъ не скрывался, онъ высказывалъ ихъ своимъ наставникамъ и обнаружилъ желаніе оставить духовное званіе, къ которому его готовили, какъ несогласное съ его новыми убѣжденіями. Тогда ему предложили перейти изъ семинаріи Св. Сульпиція въ школу кармелитовъ, основанную монсиньоромъ Афро́мъ, парижскимъ архіепископомъ, гдѣ преподаваніе не отличалось особеннымъ религіознымъ ригоризмомъ и гдѣ преподаватели старались примирить истины богословія съ современнымъ научнымъ знаніемъ. Но молодой Ренанъ отказался принять это предложеніе и вышелъ изъ семинаріи. У него не было никакого состоянія, никакихъ средствъ къ жизни. Случайно ему предложили уроки въ одномъ бѣдномъ пансіонѣ предмѣстья Сень-Жакъ за столъ и платѣ. Онъ принялъ предложеніе, но все свободное время посвящалъ изученію сравнительной филологіи и древнихъ восточныхъ языковъ. Когда онъ получилъ университетскую степень, ему предложили кафедру философіи въ провинціи, но онъ отказался, желая остаться въ Парижѣ. Ради пропитанія онъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ либеральныхъ газетахъ, но не забывалъ и своей специальности.

Въ 1849 году академія надписей поручила ему ученую миссію въ Италію, откуда онъ вывезъ матеріалы для сочиненія, вскорѣ послѣ того написаннаго имъ, о философіи Аверроэса. Въ 1851 году онъ поступилъ бібліотекаремъ въ отдѣлъ манускриптовъ Національной Библіотеки, а въ 1856 году онъ былъ сдѣланъ членомъ академіи надписей на мѣсто Огюстена Тьерри *). Въ 1860 году Ренану поручена была ученая миссія въ Сирію. Это путешествіе дало толчокъ новому направленію въ его ученой дѣятельности. Онъ

*) Вотъ списокъ *ученыхъ* сочиненій Ренана: «Histoire littéraire de la France au XIV siècle», par Victor Leclerc et Ernest Renan.—«Mission de Phénicie».—«Le livre de Job», traduit de l'hébreu.—«Le cantique des cantiques», traduit de l'hébreu.—«Histoire et système général des langues sémitiques».—«L'Ecclesiaste», traduit de l'hébreu.—«Averroès et l'averroïsme».—«De la part des peuples sémitiques dans l'histoire de la civilisation», и множество статей, напечатанныхъ въ разное время въ специальныхъ журналахъ.

познакомился съ Малай Азіей, долго путешествовалъ по Палестинѣ, и тамъ впервые ему пришла мысль написать исторію первыхъ временъ христіанства. Первый томъ этого обширнаго сочиненія—«*La vie de Jésus*» — былъ написанъ въ Палестинѣ и вышелъ въ Парижѣ въ 1863 году. Еще до появленія этой книги министерство Дюрюи предложило Ренану каеэдру древне-еврейскаго языка и литературы въ Collége de France. Ренанъ принялъ предложеніе, но обстоятельства или, вѣрнѣе, клерикальныя интриги помѣшали знаменитому ученому занять эту каеэдру. Громадное число (болѣе 3.000) слушателей, собравшихся на первую лекцію, указывало, что многіе явились туда, чтобы произвести шумъ. И дѣйствительно, самая неприличная и ничѣмъ не мотивированная демонстрація была произведена, какъ только профессоръ вступилъ на каеэдру и произнесъ нѣсколько словъ. Ренанъ оставилъ залу и занялъ свою каеэдру, оставшуюся вакантною, только черезъ десять лѣтъ, послѣ провозглашенія третьей республики.

Какія были причины такой вражды къ Ренану клерикальной партіи? Здѣсь мы касаемся одного изъ самыхъ любопытныхъ вопросовъ умственной жизни Франціи. Еще сравнительно недавно все низшее и высшее образованіе во Франціи находилось въ рукахъ католическаго духовенства или, вѣрнѣе, іезуитовъ. Съ другой стороны, антирелигіозный духъ, какъ наслѣдіе философіи XVIII вѣка, все болѣе и болѣе распространялся во Франціи. Было очевидно, что эти противоположныя элементы должны рано или поздно прійти въ столкновеніе, тѣмъ болѣе, что къ религіознымъ вопросамъ, какъ это всегда бываетъ во Франціи, примѣшалась политика. Клерикальная партія стремилась къ реставраціи легитимизма, къ до-революціонному періоду; партія либеральная, напротивъ, желала укрѣпить наслѣдіе революціи.

Совершенно понятно, что при такомъ обостренномъ положеніи, усложнившимся религіознымъ вмѣшательствомъ, историческіе труды по церковной исторіи должны были,

по необходимости, прійти въ упадокъ; и дѣйствительно, экзегетика, блестяще развившаяся въ XVIII столѣтіи, не представила ни одного значительнаго авторитета въ первой половинѣ XIX вѣка. Эта важнѣйшая область историческихъ знаній нашла болѣе благопріятную почву въ Англіи и Германіи, гдѣ протестантизмъ и свобода критики открыли широкое поле историческимъ изслѣдованіямъ. Въ особенности въ Германіи экзегетика получила быстрое развитіе и обогатилась первоклассными изслѣдованіями, благодаря успѣхамъ сравнительной миеологии. Вольфъ, Нибуръ, Готфридъ Мюллеръ объяснили греческую и римскую древность; Индіа раскрыла свои сокровища и доставляла драгоцѣнные матеріалы, безъ которыхъ исторія человѣческаго ума едва-ли была бы понятна. Христіанъ-Готлибъ Гейне (Heune) провозгласилъ принципъ: «*A mythis omnis priscorum hominum cum historia tum philosophia procedit*» (Отъ миеовъ идетъ какъ вся исторія, такъ и философія древнихъ людей). Габлеръ, Бауэръ, Фишеръ, Ветте примѣнили къ церковной исторіи принципы и приемы критики, уже примѣненные вообще къ исторіи, и вскорѣ возникла такъ называемая миеологическая школа, наиболѣе извѣстнымъ представителемъ которой явился докторъ Давидъ-Фридрихъ Штраусъ.

Знаменитый нѣмецкій ученый впервые примѣнилъ къ экзегетикѣ начала гегеліанства и посмотрѣлъ на исторію происхожденія религіи какъ на исторію происхожденія миеа. По его мнѣнію, Богъ не есть неприступное безконечное; напротивъ, Онъ проявляется въ конечномъ, т.-е. въ мірѣ. Человѣкъ не обладаетъ безусловною истиной, поскольку онъ конеченъ; Богъ не обладаетъ реальностью, поскольку Онъ безконеченъ. Поэтому, истинное и реальное бытіе духа не есть ни Богъ, ни человѣкъ, а Бого-человѣкъ. Съ той минуты, какъ человѣчество сознало себя настолько зрѣлымъ, чтобы на этой истинѣ основать религію,—было необходимо появленіе личности, которая олицетворяла бы въ себѣ понятіе этой истины. Этотъ Бого-человѣкъ, заключая въ себѣ какъ божественную сущность, такъ и человѣческую лич-

ность, не грѣховенъ, совершенъ; Онъ господствуетъ надъ природой, но вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ подлежитъ страданіямъ и смерти. Этотъ Христосъ а ргіогі, само-собой разумѣется, не есть еще историческій Христосъ, и понятно, что такая точка зрѣнія, примѣненная къ историческому изслѣдованію, по необходимости, должна была породить исторію миеа во всемъ томъ, что касалось разсказа Евангелій. Понятны, поэтому, недоразумѣнія, вызванныя книгой Штрауса. Укоренилось, напримѣръ, мнѣніе, что Штраусъ отрицаетъ самое существованіе, въ историческомъ смыслѣ, Иисуса Христа; это, конечно, ложь: въ его книгѣ нѣтъ ничего подобнаго, но, къ несчастію, нѣкоторыя неточности въ выраженіяхъ могли дать поводъ къ такимъ заключеніямъ; совершенно лишенный историческаго чутія, Штраусъ никогда не оставляетъ вопросовъ миеа и символа; для него первичныя событія христіанства какъ бы происходятъ внѣ реальнаго существованія и природы.

Сочиненіе Штрауса (1835 г.) вызвало небывалый до тѣхъ поръ шумъ въ Германіи и во всей Европѣ. Католическіе и протестантскіе противники его, какъ, напримѣръ, Гугъ, Неандеръ, Толукъ, Ульманъ, ожесточенно напали на автора, защищая историческую реальность фактовъ Евангелія. Почти всѣ старались доказать, что, съ одной стороны, миеа былъ невозможенъ въ эпоху возникновенія христіанства; съ другой, что образованіе миеа не могло имѣть мѣста въ эпоху между распятіемъ Христа и минутой, когда была написана его исторія. Въ этомъ, конечно, заключается слабая сторона книги Штрауса. Съ своей стороны, ультра-гегеліанцы, недовольные умѣренностію и какъ бы робостію выводовъ Штрауса, пошли гораздо дальше его. «Гипотеза Штрауса,—говоритъ Бруно-Бауэръ,—мистична. Объяснять евангельскую исторію традиціей значить обязаться объяснить самую традицію, найти ей реальную почву». Пустившись въ поиски за этою почвой, новая школа впала въ противоположную ошибку: Штраусъ объяснял историческое преданіе медленно образовавшимся миеомъ; лѣвая сторона гегеліанцевъ,

желая обойти трудности, порождаемая такимъ объясненіемъ, просто отрицала существованіе историческихъ фактовъ.

II.

Новѣйшая тюбингенская школа, возникшая уже въ концѣ сороковыхъ годовъ, отличается отъ прежнихъ школъ тѣмъ, что, оставляя всѣ отвлеченности, совершенно отбрасывая теорію миеа, ищетъ почвы исключительно въ исторической критикѣ. Съ первыхъ же шаговъ своей ученой дѣятельности Ренанъ примкнулъ къ этой школѣ. Говорить послѣ этого, какъ это было дѣлаемо не разъ, что Ренанъ не болѣе какъ послѣдователь Штрауса, и что его «*Vie de Jésus*» есть не болѣе какъ разведенный водою и общими мѣстами пересказъ «*Leben Jesu*» Штрауса, — значитъ не знать исторіи экзегетики въ XIX столѣтіи. Безъ всякаго сомнѣнія, Ренанъ пользовался эрудиціей Штрауса; безъ всякаго сомнѣнія также, онъ заимствовалъ кое-что изъ фактическихъ данныхъ Штрауса, но онъ совершенно расходится съ нѣмецкимъ ученымъ по духу и направленію. Штраусъ имѣлъ въ виду не исторію, въ точномъ смыслѣ, происхожденія христіанства (такая исторія казалась ему неосуществимой по недостатку несомнѣнныхъ фактическихъ данныхъ), а лишь извѣстную теологическую систему, которая имѣла бы болѣе рачіональную основу, чѣмъ господствовавшая въ его время система. Такимъ образомъ, Штраусъ является теологомъ, богословомъ (для многихъ даже весьма робкимъ богословомъ) и ученикомъ школы Гегеля. Ренанъ, напротивъ, явившись на ученое поприще значительно позднѣе, — въ то время, когда миеологическая школа потеряла уже кредитъ, воспитанный въ католической средѣ, къ тому же, по убѣжденіямъ свободный мыслитель, не принадлежавшій ни къ какой опредѣленной философской группѣ, развившій въ себѣ въ высокой степени эстетическое чувство, и, наконецъ, по специальности филологъ и историкъ, — Ренанъ остался историкомъ и въ экзегетикѣ.

Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи нужна нѣкоторая оговорка. Ренанъ съ юныхъ лѣтъ обнаруживалъ склонность къ положительному, точному знанію. Уже впослѣдствіи, въ семидесятыхъ годахъ, онъ между прочимъ говоритъ въ письмѣ къ Бертело («Dialogues et fragments philosophiques», 153): «Здѣсь, на берегу моря, возвращаясь къ самымъ раннимъ моимъ идеямъ, я принялся сожалѣть о томъ, что предпочелъ исторію естествознанію, въ особенности сравнительной физиологіи. Прежде, въ семинаріи Исси, это изученіе привлекало меня въ чрезвычайной степени; въ семинаріи Святого Сульпиція я былъ увлеченъ въ другую сторону,—къ филологіи и исторіи; но всякій разъ, когда мнѣ случится бесѣдовать съ вами или съ Клодомъ Бернаромъ, я сожалѣю, что въ моемъ распоряженіи—одна лишь жизнь, и я невольно спрашиваю себя, воспользовался ли я 'лучшею долей, когда пристрастился къ исторической наукѣ человѣчества? И въ самомъ дѣлѣ, чтó значать три или четыре тысячи лѣтъ исторіи, которыя доступны нашему знанію, въ сравненіи съ безконечнымъ временемъ, предшествовавшимъ намъ! Ровно ничего, и философы школы чисто литературной, относящейся враждебно или равнодушно къ результатамъ, достигнутымъ естествознаніемъ, всегда будутъ находиться внѣ истиннаго прогресса. Исторія въ обычномъ значеніи этого слова, т.-е. серія фактовъ, извѣстныхъ намъ о развитіи человѣчества, есть только микроскопическая часть истинной исторіи, понимаемой какъ картина того, что мы можемъ знать о развитіи вселенной. Къ тому же страсти, неизбежно возбуждаемыя изученіемъ прошлаго, не позволяютъ вносить въ подобное изученіе безстрастность и строгость, составляющія необходимое условіе открытія истины. Еслибы историческія науки позволяли человѣку оставаться такимъ же безстрастнымъ, какъ это дѣлаетъ химія, то онѣ въ настоящую минуту были бы гораздо болѣе совершенны; но то, что составляетъ ихъ слабость, составляетъ въ то же время и преимущество ихъ. При громадныхъ трудностяхъ, представляемыхъ ими, несмотря на всѣ препятствія, мѣ-

шающія тому, чтобы можно было изучать ихъ вполне объективно, несмотря на ихъ тѣсную связь съ политикой и нравственностью, несмотря на неудобства, приносимыя ими множеству почтенныхъ интересовъ и предразсудковъ, историческія науки имѣютъ право утѣшать себя. Когда я думаю о томъ, чѣмъ могли бы быть историческія науки, еслибы были разработаны истинно-философскими умами, я нахожу въ себѣ бодрость продолжать изученіе ихъ, хотя тѣ, которые не понимаютъ этого, считаютъ это изученіе лишь бесполезнымъ любопытствомъ». Такимъ образомъ, увлекаемый складомъ своего ума въ сторону естествознанія, Ренанъ, однакоже, остался вѣренъ исторіи, сравнительному языкознанію и философіи. Мнѣ кажется, что именно это обстоятельство давало ему огромное преимущество передъ другими учеными специалистами. Знакомство съ умственнымъ движеніемъ Германіи, съ трудами нѣмецкихъ филологовъ, съ нѣмецкою метафизикой, открыло передъ нимъ широкій горизонтъ и дало удивительный просторъ его дарованіямъ.

Выпустивъ первый томъ, посвященный разсказу о земной жизни Иисуса Христа, не обращая вниманія на шумъ, возникшій сначала во Франціи, а потомъ и въ остальной Европѣ, Ренанъ продолжалъ работать и отъ времени до времени продолжалъ выпускать послѣдующіе томы подъ различными заглавіями. Второй томъ озаглавленъ «*Les Apôtres*», третій — «*Saint Paul*», четвертый — «*L'Antéchrist*», пятый — «*Les Evangiles*», шестой — «*L'Eglise chrétienne*», седьмой и послѣдній — «*Marc Aurèle ou la fin du monde*». Факты и событія, имѣвшія мѣсто вскорѣ послѣ распятія Христа, дѣянія апостоловъ и учениковъ, первыя христіанскія миссіи; затѣмъ дѣятельность св. Павла въ Малой Азіи, Греціи и Римѣ, эпоха Нерона и первыхъ преслѣдованій; факты и событія сопровождавшія появленіе Евангелій, какъ каноническихъ, такъ и апокрифическихъ; образованіе христіанской церкви, ея внутренняя организація и сношенія между различными христіанскими общинами; гностики; взятіе Іерусалима Титомъ и, наконецъ, эпоха великихъ императоровъ,

эпоха Траяна, Адриана, Антонина, Марка Аврелия; отношения античного мира к христианству; наконец, окончательное торжество христианства, — вот в общих чертах содержание и расположение этого капитального труда, составляющего, без всякого сомнения, богатый взнос в историческую литературу и написанного с необыкновенным талантом. Таким образом, все семь томов образуют полную историю первых веков христианства (от Рождества Христова до 180-го года), написанную в сдержанно-примирительном тоне, как, впрочем, написан был и первый том. Талантливый историк, обстоятельно знакомый с лучшими трудами специалистов Германии и Англии, Ренан написал не сухое ученое исследование, доступное лишь немногим, но талантливое произведение, которое в прекрасном рассказе знакомит читателей с великими переворотами, совершившимися в мир благодаря возникновению христианства. Все это относится, собственно говоря, к фактическому содержанию книги; что же касается личных взглядов Ренана, то об этом мы распространяться не будем, — взгляды и направление Ренана достаточно известны. Религиозное чувство, религиозное настроение образуют самый выдающийся элемент у Ренана, но в истории религий он — рационалист, хотя далеко не последователь той школы, которая из рационализма делает голое отрицание и не признает значения христианства в истории человечества. Пользуясь правами ученого, независимого исследователя, он вносит в историю христианства метод и приемы современной критической науки. С ним можно не соглашаться, с ним можно спорить, многие из его выводов можно считать неверными или слишком поспешными, но нельзя не оставлять за ним права применять к истории христианства те приемы и метод, которые с большим успехом применяются в настоящее время не только к истории различных народов, но также к истории различных религий. Этот метод, однако, он пополняет таким психологическим